

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА СЕВЕРА И АРКТИКИ

Научная статья

УДК 316.472

doi:10.37614/2220-802X.1.2023.79.003

ОБЩЕСТВЕННАЯ АКТИВНОСТЬ И СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ: ВОСПРОИЗВОДСТВО В УСЛОВИЯХ АРКТИЧЕСКОГО МОНОГОРОДА

**Александр Дмитриевич Волков¹, Анна Васильевна Симакова², Сергей Вячеславович Тишков³,
Мария Александровна Питухина⁴**

^{1, 3, 4}Карельский научный центр Российской академии наук, Петрозаводск, Россия

²Центр бюджетного мониторинга Петрозаводского государственного университета, Петрозаводск, Россия

¹kov8vol@gmail.com, ORCID 0000-0003-0451-8483

²simakova@petrsu.ru, ORCID 0000-0002-1990-9826

³insteco_85@mail.ru, ORCID 0000-0002-6061-4165

⁴maria.pitukhina@gmail.com, ORCID 0000-0001-7012-2079

Аннотация. Переход арктических моногородов к устойчивой модели развития локальной экономики и местного сообщества является сложнейшей задачей с учетом крайней зависимости воспроизводственных процессов от жизненного цикла градообразующего предприятия. Одной из основ устойчивости в данных условиях является органичное соразвитие социального и человеческого капиталов. Институты взаимодействия, формирующиеся в рамках общественно полезной деятельности, являются одной из ключевых составляющих формирования социального капитала местного сообщества, в свою очередь, позволяющего закреплять человеческий капитал на территории. Цель исследования — выявление особенностей социальной активности и социального капитала местного сообщества ГО Костомукша, а также миграционных установок групп населения, системно важных для его воспроизводства. Использован комплекс социологических, статистических и общенаучных методов. Выявлена общая распространенность социальных практик в сообществе ГО Костомукша, идентифицированы и охарактеризованы системно значимые для воспроизводства социального капитала группы населения, определены и сопоставлены их миграционные установки. По результатам исследования сделаны выводы об устойчивости воспроизводства социального капитала ГО Костомукша, а также влиянии его аспектов на закрепление человеческого капитала. Для повышения локальной устойчивости за счет закрепления социального и человеческого капиталов необходима активизация усилий местной власти на расширении социального пространства за счет вовлечения в социально-экономические процессы окружающих ГО Костомукша территорий, а также профилактика институциональных искажений в работе социальных лифтов. Научная новизна исследования определяется методологическим подходом, заключающимся в синтезе функционально-ролевой и временной компоненты общественной активности в анализе данных социологического исследования. Также ГО Костомукша как новое административное образование в составе Российской Арктики и определенное исключение по показателям социально-экономического развития арктических моногородов ранее изучался крайне ограниченно. Результаты имеют научную ценность и практическую применимость в рамках разработки стратегических документов регионального развития, а также оперативного управления социально-экономической системой моногорода.

Ключевые слова: моногород, Арктика, социальный капитал, человеческий капитал, миграционные установки, социальная устойчивость

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 21-18-00500 «Институциональный инжиниринг моногородов Арктической зоны — модернизация и устойчивое развитие».

Для цитирования: Волков А. Д., Симакова А. В., Тишков С. В., Питухина М. А. Общественная активность и социальный капитал: воспроизводство в условиях арктического моногорода // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2023. № 1. С. 44–63. doi:10.37614/2220-802X.1.2023.79.003

SOCIODEMOGRAPHIC POLICY OF THE NORTH AND THE ARCTIC

Original article

PUBLIC ACTIVITY AND SOCIAL CAPITAL: REGENERATION IN AN ARCTIC SINGLE-INDUSTRY TOWN

Alexander D. Volkov¹, Anna V. Simakova², Sergey V. Tishkov³, Maria A. Pitukhina⁴

^{1, 3, 4}Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences, Petrozavodsk, Russia

²Budget Monitoring Center at Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia

¹kov8vol@gmail.com, ORCID 0000-0003-0451-8483

²simakova@petsu.ru, ORCID 0000-0002-1990-9826

³insteco_85@mail.ru, ORCID 0000-0002-6061-4165

⁴maria.pitukhina@gmail.com, ORCID 0000-0001-7012-2079

Abstract. The transition of Arctic single-industry towns to sustainable models of local economic and community development is a daunting task, given the mutual interdependence of the local economy and the life cycle of the town's primary employer. To achieve sustainability, the organic co-development of social and human capital is crucial. Interaction institutions formed within the framework of social activities are key components stimulating social capital development in the local community, which in turn leads to the consolidation of the human capital in the territory. The purpose of the study is to identify social activity and social capital features within the local community of Kostomuksha Urban District as well as migration attitudes of different population groups highly important for population replacement. The study used a range of sociological, statistical, and general research methods to reveal the social practices prevailing in the community of Kostomuksha Urban District, identify and characterize the population groups that are vital for the regeneration of social capital, and compare their migration attitudes. Based on the results of the study, conclusions were drawn about the sustainability of social capital regeneration in Kostomuksha Urban District and the influence of its aspects on the consolidation of human capital. The research reveals the need for a concentrated effort by the local government to increase local sustainability by expanding social space through involving the surrounding territories and preventing institutional distortions in upward social mobility processes. The scientific novelty of the research lies in its methodological approach, which synthesizes the role-based and temporal components of social activity in the analysis of sociological research data. Also, as a new administrative entity in the Russian Arctic and a definite exception in terms of socioeconomic development of the Arctic monotowns, Kostomuksha Urban District has been previously studied to a very limited extent. The research has practical implications for devising strategic documents for regional development and socioeconomic management of single-industry towns.

Keywords: single-industry town, the Arctic, social capital, human capital, migration attitudes, social sustainability

Acknowledgments: This research received support from the Russian Science Foundation under grant no. 21-18-00500 "Institutional Design of Single-Industry Towns in the Arctic: Modernization and Sustainable Development."

For citation: Volkov A. D., Simakova A. V., Tishkov S. V., Pitukhina M. A. Public Activity and Social Capital: Regeneration in an Arctic Single-Industry Town. Sever i rynek: formirovanie ekonomicheskogo poryadka [The North and the Market: Forming the Economic Order], 2023, no. 1, pp. 44–63. doi:10.37614/2220-802X.1.2023.79.003

Введение и актуальность

Экономики арктических территорий остаются в преобладающей степени монопрофильными и ресурсоориентированными, несмотря на общее развитие технологического и инфраструктурного потенциала [1]. Зависимость от добывающего сектора традиционно формирует социальные риски, обусловленные привязкой социально-экономических систем к жизненному циклу ключевых предприятий [2]. Актуальны и косвенные последствия доминирования ресурсодобывающих предприятий, аффилированных, как правило, с корпорациями национального и международного уровня [3]. Так, для монопрофильных территорий с добывающей специализацией экономики характерны относительно низкая склонность к предпринимательской и инновационной активности

у местных сообществ [4], снижение интереса жителей к получению образования, обусловленные спецификой кадровой потребности добывающих предприятий и достаточно высоким уровнем доходов их работников [5]. Моногорода арктических и приарктических территорий, помимо отмеченных общих для всех локальных экономик ресурсного типа черт, характеризуются и некоторыми дополнительными особенностями развития — повышенными экологическими рисками [6], разреженностью системы расселения в пределах тяготеющего к ним экономического пространства [7] и более высокими издержками организации обрабатывающих производств, не связанных непосредственно с преимуществами локализации природных ресурсов [8].

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА СЕВЕРА И АРКТИКИ

Важнейшее и наиболее характерное противоречие развития арктических моногородов с ресурсоориентированной экономикой формируется в предметном поле на пересечении двух тенденций:

– неизбежного спада локальной экономики и уровня потребления населения при сворачивании мощностей добывающего предприятия [9];

– оттока образованной молодежи (либо образовательной миграции с последующим невозвращением) [10, 11], сопровождающегося сниженными стимулами предпринимательской активности у местного населения [12].

Диверсификация локальных экономик потенциально может смягчить последствия сворачивания профильных ресурсоориентированных производств, но ей препятствуют достаточно высокий уровень зарплат на добывающем производстве, который, с одной стороны, формирует платежеспособный спрос в рамках локальной экономики, а с другой, — увеличивает издержки локального бизнеса, вынужденного функционировать в экономической среде с высокими зарплатными ожиданиями. В результате, производства в непрофильных видах деятельности, ориентированные на внешний по отношению к моногороду рынок, оказываются в невыгодном конкурентном положении не только ввиду существования «северных» социальных обязательств и повышенных затрат на эксплуатацию сооружений и техники, но и ввиду высоких зарплатных ожиданий на местном рынке труда [13]. Отток населения, характерный для большинства северных и арктических моногородов, имеет и свои качественные особенности. Так, для арктических территорий Республики Карелия и Ненецкого АО высока зависимость миграционных потоков от темпов роста заработной платы, для Архангельской области — от обеспеченности жильем, для Ямало-Ненецкого АО и Архангельской области — от стоимости жилья и т. д. [14]. Отмечается связь между миграционным оттоком населения территорий и расстоянием до административных центров, а также динамикой численности населения в этих центрах [15, 16]. Весьма значимыми являются и различия в причинах миграции между возрастными группами населения [17]. Если в период советского освоения Севера сюда стягивалась инициативная и активная молодежь [18], способствуя положительному отбору человеческого капитала, столь необходимого для реализации рискованных и затратных арктических проектов, то сегодня данная категория населения активно покидает территории Арктики и Севера [19]. По сути, это характеризует существующий отбор человеческого капитала как в целом отрицательный.

В данных условиях актуальной становится проблема истощения не только человеческого, но и социального капитала местных сообществ, поскольку, как позволяют предположить ранее проведенные исследования [20], тенденция отрицательного отбора касается не только наиболее экономически, но и социально активной части населения территорий Севера и Арктики.

Исследования показывают, что наиболее устойчивой траекторией развития характеризуются местные сообщества, выстраивающие взаимоотношения с ресурсодобывающими корпорациями и местной властью с опорой на развитые социальные связи [21–25]. В таких случаях отдача от принятых форматов реализации КСО (Corporate Social Responsibility), СЛД (Social license to operate) и т. д. не только влияет на уровень текущего потребления членов сообщества, но и трансформируется в долгосрочные вложения в развитие инфраструктуры, образования, инновационной активности [24]. В свою очередь, подобные вложения формируют основу диверсификации локальных экономик и их дальнейшего устойчивого развития.

Понятие социального капитала было введено в научный оборот П. Бурдьё, и, согласно его видению, он имеет нематериальный характер, хотя и порожден отношениями по преобразованию вещества природы и распределению благ. Социальный капитал снижает характерные для данной системы транзакционные издержки, позволяя членам группы «получать кредиты во всех смыслах этого слова» [26]. В различные периоды развития данной концепции вклад в нее внесли работы Р. Пэтнама [27], Дж. Коулмена [28], А. Портс [29] и др. В рамках отечественной исследовательской традиции наиболее методологически конструктивным нам представляется подход Т. А. Гужавиной, понимающей под социальным капиталом, «во-первых, наличие сетей социальных отношений, характеризующихся нормами доверия и взаимности, и уровень вовлеченности в них людей, во-вторых, создаваемые в них полезные для общества, социальных групп (регионального сообщества в том числе) внешние эффекты, результаты, генерируемые социальным взаимодействием» [30, с. 3]. В дальнейшем мы опираемся на данное определение как на базовое. Диалектический характер воспроизводства социального капитала раскрывается через его значение как фактора, определяющего массовость, динамику и целенаправленность коллективных действий, но в то же время и функционально зависимого, формируемого данными коллективными действиями индивидов — носителей человеческого капитала [31]. Таким образом, развитие социального

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА СЕВЕРА И АРКТИКИ

капитала сообщества и человеческого капитала индивидов находятся в системном единстве, в рамках которого человеческий капитал отражает роль отдельного индивида в системе воспроизводства общества и стоимостную оценку этой роли, а социальный капитал — качественные особенности и воспроизводственный потенциал отношений отдельных индивидов по распределению этих ролей и их стоимостной оценке.

Социальный капитал городского сообщества не является суммой социальных капиталов индивидов и групп, составляющих это сообщество. Спецификация социального капитала сообщества определяется прямым или опосредованным, действующим или потенциальным функциональным значением общественных связей индивидов — членов сообщества в развитии пространственно локализованной социально-экономической системы.

Социальная активность как предметная деятельность по развитию местного сообщества, является концентрированным выражением социального капитала и своеобразной надстройкой над прочими отношениями. Она выступает как способ самореализации, личностного роста индивидов [32], повышающий одновременно и их человеческий капитал, и устойчивость местных сообществ при определенных условиях. А. Караглу отмечает, что устойчивость и конкурентоспособность городской социально-экономической системы системно связана с социальным капиталом сообщества, имеющим важнейшее значение в повышении ее адаптивности к изменениям окружающей среды [33].

Среди моногородов европейской части АЗРФ Костомукшский ГО традиционно выделяется положительными тенденциями социально-экономического развития и устойчивой демографической ситуацией [34]. Однако последние геополитические потрясения и вызванные ими экономические шоки привели к фактическому закрытию основных рынков сбыта продукции двух крупнейших предприятий моногорода — АО «Карельский окатыш» и ООО «АЕК». Данные обстоятельства составляют серьезнейший вызов развитию не только локальной экономики моногорода, но и местному сообществу, которое, по выражению действующего главы городского округа, составляют «дети активных людей, пассионариев», приехавших на одну из последних масштабных всесоюзныхстроек СССР из многих регионов страны. Но достаточно ли сильна связь активной части населения с местом проживания, видят ли они свое

будущее в городе и местном сообществе? В какое русло будет направлена активность населения: в преодоление кризисных тенденций в экономике и социуме моногорода или в миграцию как форму инвестиции в свой человеческий капитал? Данные вопросы легли в основу методологии полевого исследования, реализованного в октябре – ноябре 2021 г. в ГО Костомукша. Общей задачей являлось изучение качественных аспектов воспроизводства человеческого и социального капиталов местного сообщества.

В свете динамики экономических и геополитических процессов, затрагивающих все уровни экономической организации, временной период проведения исследования позволяет, во-первых, «зафиксировать» в научных фактах социально-экономическую реальность жизни арктического моногорода накануне глобальных экономических потрясений и вызванных ими трансформаций, сформировать аналитические основы дальнейшего ее мониторинга. Во-вторых, данная особенность исследования позволяет оценить резервы социального и человеческого капиталов моногорода, во многом определяющие пределы устойчивости социально-экономических систем в текущих условиях. Оба эти аспекта реализованы в настоящей статье и определяют постановку цели исследования — выявление особенностей социальной активности и социального капитала местного сообщества ГО Костомукша, а также миграционных установок групп населения, системно важных для его воспроизводства.

Задачами исследования являются:

1. Проанализировать общее распространение социальных практик и степень развития социального капитала сообщества ГО Костомукша.

2. Выявить системно значимые для воспроизводства социального капитала группы населения и идентифицировать их по социально-экономическим характеристикам (пол, возраст, образование, доход). Выявить тенденции взаимосвязи между человеческим и социальным капиталами сообщества ГО Костомукша.

3. Определить и сопоставить миграционные установки групп населения, выполняющих различные функции в рамках воспроизводства социального капитала сообщества ГО Костомукша.

Объектом исследования является локальная социально-экономическая система арктического моногорода — Костомукшского ГО (рис.1).

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА СЕВЕРА И АРКТИКИ

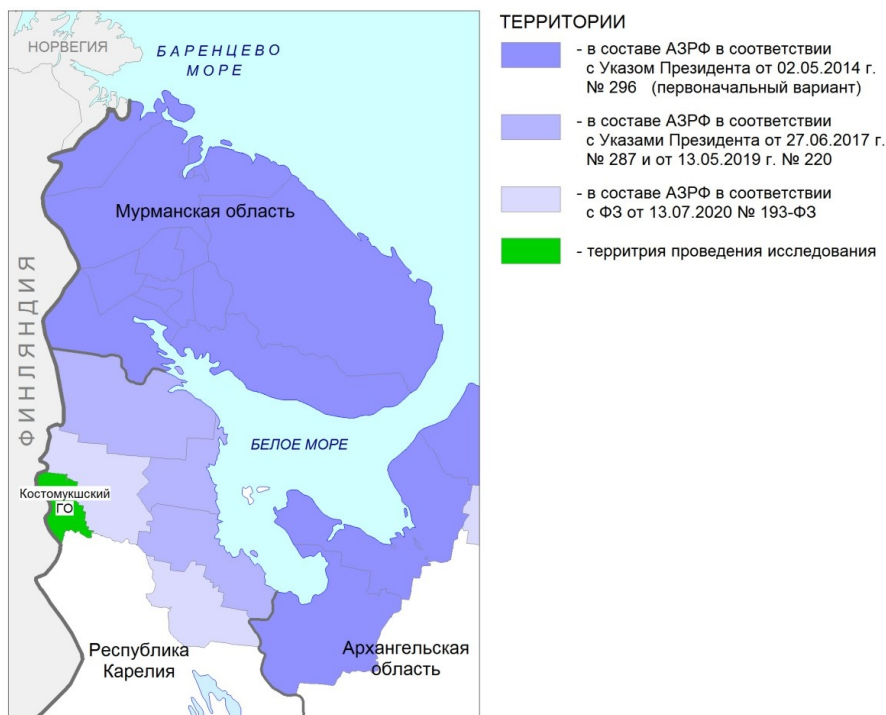

Рис. 1. Пространственная локализация территории исследования. Источник: составлено О. В. Дерусовой по материалам авторов статьи

В рамках концепции социального капитала предмет исследования охватывает такие ключевые аспекты его воспроизводства, как включенность в общественную жизнь, готовность к объединению с другими членами сообщества [35].

Методы и материалы

Методологическую основу исследования составляют диалектический и системный подходы, теоретические положения теорий социального и человеческого

капиталов, а также теории коммуникативного действия, совокупность методов социологического исследования и статистического анализа. Работа с фактологической базой осуществлялась с использованием программных комплексов SPSS и Excel. Информационную основу исследования составили данные Карелиястата и опроса населения, проведенного в соответствии с характеристиками выборки, представленной в табл. 1.

Таблица 1

Характеристика выборочной совокупности

Возраст, годы	Пол	Численность населения, чел.	Структура населения по возрасту, %	Численность выборки, чел.	Структура выборки, %	Отклонение структуры выборки от генеральной совокупности, %
15–29	Мужской	1992	8,2	57	8,2	0
	Женский	1879	7,7	66	9,5	1,8
30–44	Мужской	4154	17,0	129	18,5	1,5
	Женский	3928	16,1	113	16,2	0,1
45–59	Мужской	2917	12,0	71	10,2	1,8
	Женский	3442	14,1	93	13,3	0,8
60–74	Мужской	2581	10,6	68	9,8	0,8
	Женский	3492	14,3	100	14,3	0
Всего		24385	100	697	100	Среднее 0,9

Примечание. Составлено авторами по материалам полевого исследования.

Предмет исследования и задачи методологически раскрывались в вопросах, посвященных практикам

общественной активности, готовности респондентов тратить время на общественно полезные дела, а

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА СЕВЕРА И АРКТИКИ

также функциональной роли респондентов в рамках данных мероприятий. Выбор индикаторов основан на наработках Т. А. Гужавиной [35] и рассмотренном ранее подходе, в рамках которого человеческий и социальный капиталы диалектически зависимы в рамках общественных процессов [36]. Отдельные вопросы в социологической части посвящены миграционным установками [37] и изучению связи с местом проживания.

Формирование групп респондентов на основе объединения функционально-ролевой и временной составляющих социальной активности осуществлялось поэтапно. На первом этапе, опираясь на выявленные функциональные роли индивидов в рамках различных видов социальной активности, респонденты разделены на 5 групп:

- организующие сами лично что-либо;
- уже вовлеченные в мероприятие, организованное другими;
- готовые сами что-либо организовать;
- готовые присоединиться к инициативе других;
- не готовые что-либо делать.

Поскольку функциональные роли респондентов существенно различались в зависимости от рассматриваемого вида социальной активности, и один и тот же респондент мог нести различный функционал в разных сферах общественной жизни, на первом этапе

была идентифицирована предельная ролевая функция каждого опрошенного. Например, респондентам, выбравшим при ответе на вопрос «Что Вы лично готовы предпринять для улучшения жизни Вашего города?» хотя бы в одном виде социальной активности вариант ответа «Организирую сам лично что-либо» присваивалась функциональная роль «действующего организатора», и на основе этой идентификации осуществлялся дальнейший анализ его активности и соотнесение с временным аспектом социальной вовлеченности. При этом его менее выраженные функциональные роли в других видах общественной активности во внимание не принимались, он исключался из общей совокупности респондентов при последовательном переходе к следующим функциональным ролям более низкого порядка (табл. 2) при идентификации и группировке респондентов.

Данный подход к группировке позволил избежать многократного учета одних и тех же респондентов, проявляющих различную социальную вовлеченность в различных сферах активности.

На втором этапе составлена матрица, объединяющая ответы на вопросы о функционально-ролевой и временной составляющих социальной активности респондентов и на их основе выделены 5 групп (табл. 2).

Таблица 2

Группировка респондентов по функционально-ролевой и временной составляющим социальной активности

Функционал	Организирую сам лично что-либо	Уже вовлечен в проект/мероприятие, организованное другими	Готов сам что-либо организовать	Готов присоединиться к инициативе других	Не готов что-либо делать и не готов тратить время
Готовность тратить время	Группа 1		Группа 2		Группа 5 Социально пассивные горожане
Все время	Профессиональные общественные деятели		Потенциальные общественные деятели		
Большую часть времени					
Половину своего времени	Группа 3		Группа 4		
Малую часть времени	Социально активные горожане		Ситуационно-выжидательные горожане		
Не готов тратить время					

Примечание. Составлено авторами по материалам полевого исследования.

Выделенные группы различны, т. к. в каждой из групп распределение ответов отличается от распределения ответов в другой группе (сравнение каждого с каждым) с достоверной вероятностью 0,95. Проверка выполнялась с помощью критерия согласия хи-квадрат. В дальнейшем в рамках анализа данные группы были охарактеризованы по социальным признакам, а также по специфике восприятия общественных процессов в моногороде.

Ограничения исследования

Ограничением исследования можно считать концентрацию внимания на временных вложениях

индивидов в социальные практики [38] в рамках социального капитала сообщества (мы исходим из того, что именно они в первую очередь развивают институты взаимодействия в локальном сообществе) и в то же время недоучет в инструментари материальных и денежных вложений индивидов (пожертвования вещей и денег, спонсорская помощь и т. д.). Это не отменяет значимости полученных результатов, но определяет более узкую предметную спецификацию выводов.

Термины «общественная активность» и «социальная активность» употребляются нами как равнозначные по значению.

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА СЕВЕРА И АРКТИКИ

Результаты исследования

Общественная активность населения моногорода Костомукша

Для первоначальной характеристики местного сообщества ГО Костомукша с позиции социального капитала рассмотрена общая распространенность в нем отдельных социальных практик и социально

ориентированных установок населения. В таблице 3 представлена информация о распространенности отдельных видов общественной активности, отмеченных респондентами при ответе на вопрос «Приходилось ли Вам за последний год принимать участие в каких-либо мероприятиях, организованных жителями Вашего города?».

Таблица 3

Участие населения ГО Костомукша в общественных мероприятиях
(% от общей численности респондентов, ответивших на данный вопрос)

Общественное мероприятие	Участие населения, % опрошенных
Субботник, мероприятие по уборки двора, улиц	41,5
Культурные мероприятия	40,9
Собрание (жильцов дома, жителей города)	31,8
Общественные спортивные мероприятия	19
Митинги (9 мая, 1 мая и т. п.)	18
Мероприятия местных отделений общественных организаций	9,8
Деятельность местных отделений политических партий	6,8
Религиозные мероприятия	6,8
Коллективное обращение к властям	5,6
Совместное обеспечение порядка и безопасности	1
Совместная ликвидация последствий аварий, пожаров и других ЧС	1
Пикеты, протесты	0,9
Не удалось участвовать	34

Примечание. Составлено авторами по материалам полевого исследования.

Среди видов активности жителей преобладает участие в культурных и бытовых мероприятиях. В меньшей степени жители вовлечены в мероприятия по обеспечению безопасности, политические и религиозные мероприятия. Каждый третий житель Костомукшского ГО не принимал участие в общественных мероприятиях города.

Для определения вовлеченности населения в социальную жизнь городского округа как специфическую форму воспроизводства социального капитала местного сообщества применялись вопросы, нацеленные на:

– определение времени, которое индивид готов потратить на мероприятия по улучшению жизни в городе;

– идентификацию функциональной роли индивидов в общественных мероприятиях.

Первый аспект отражен в вопросе «Какую часть своего времени Вы готовы потратить на участие в мероприятиях по улучшению жизни в городе?». При ответе на него только 2,9 % жителей отметили, что готовы тратить все свое время, а 3 % — большую часть времени. Значительно более распространенными являются установки на меньшие затраты времени, равно как и неготовность тратить время на мероприятия по улучшению жизни в городе (рис. 2).

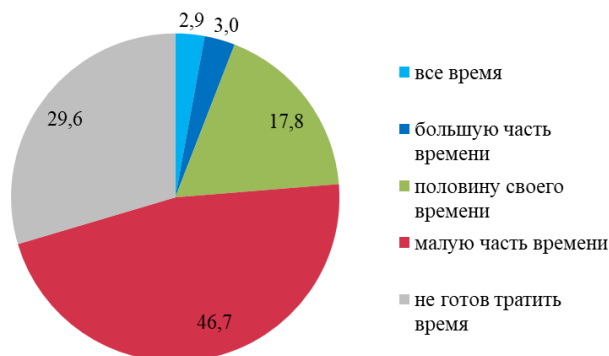

Рис. 2. Готовность населения тратить время на мероприятия по улучшению жизни в городе, % от общей численности респондентов. Источник: составлено авторами по материалам полевого исследования

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА СЕВЕРА И АРКТИКИ

Функциональная роль индивидов определялась через вопрос «Что Вы лично готовы предпринять для улучшения жизни Вашего города?» в разрезе следующих укрупненных видов общественных мероприятий:

- культурные мероприятия (самостоятельность, кружки и т. п.);
- политические мероприятия (выборы, собрания, митинги);
- общественно-полезные мероприятиями помощи другим (благотворительность);

- просветительские и образовательные мероприятия;
- мероприятия по защите окружающей среды (субботники и т. п.)

Ответы респондентов отражают значительные различия в готовности респондентов брать на себя функциональную роль в рамках отдельных видов общественных мероприятий (рис. 3).

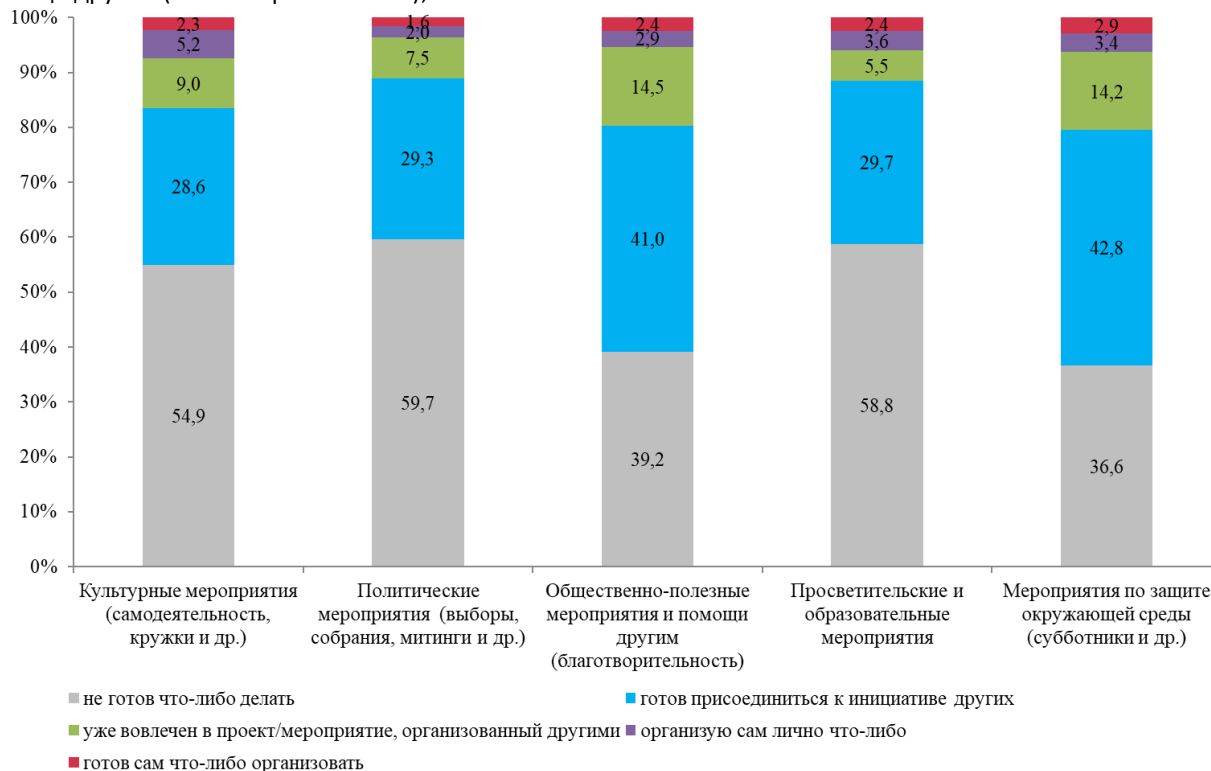

Рис. 3. Функциональная роль индивидов в разрезе укрупненных видов общественных мероприятий, % от общей численности респондентов. Источник: составлено авторами по материалам полевого исследования

В целом население ГО Костомукша наиболее активно в мероприятиях по защите окружающей среды и общественно-полезных благотворительных мероприятиях. В данных сферах относительно велики доли респондентов, уже вовлеченных в проекты, организованные другими, а также готовых присоединиться к инициативе других людей. Наименее активно население моногорода в политических (выборы, собрания, митинги) и образовательных мероприятиях. При этом наибольшая доля инициативных людей, уже организующих или готовых организовать какие-либо мероприятия лично, наблюдается в сфере культуры — их доля составляет 5,2 и 2,3 % опрошенных соответственно.

Таким образом, в рамках решения первой задачи исследования нами установлено, что участие в бытовых и культурно-спортивных мероприятиях

преобладает среди общественной активности горожан, в то время как более трети респондентов не принимали участия в общественной жизни за последний год. Наиболее открыто население для участия в мероприятиях по защите окружающей среды и общественно-полезных благотворительных мероприятиях, а наибольшая доля инициативных людей наблюдается в сфере культуры.

Группировка населения по вовлеченности в социальную активность

На основе интеграции рассмотренных выше функционально-ролевой и временной составляющих вовлеченности населения в социальную активность определены пять групп индивидов, сформированных в соответствии с методикой, описанной ранее в разделе «Материалы и методы».

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА СЕВЕРА И АРКТИКИ

1. Группа 1. Те, кто организуют сами или уже вовлечены в какие-то проекты и при этом тратят на это все свое время или большую его часть. Данную группу можно охарактеризовать как «*профессиональные общественники*» (18 чел., 2,8 % — здесь и далее по группам от общего количества ответивших на вопрос, 636 чел.)¹.

2. Группа 2. Те, кто в настоящий момент не вовлечен в общественную деятельность, но готовы сами что-либо организовать или присоединиться к инициативе других людей, при этом готовы потратить на это все свое время или большую его часть. Данную группу можно охарактеризовать как «*потенциальные профессиональные общественники*» (22 чел., 3,5 %).

3. Группа 3. Те, кто организуют сами или вовлечены в какие-то проекты и при этом тратят на это половину своего свободного времени или малую его часть «*социально активные горожане*» (185 чел., 29 %).

4. Группа 4. Те, кто в настоящий момент не вовлечен в общественную деятельность, но готовы сами что-либо организовать или присоединиться к инициативе других людей, но при этом готовы

потратить на это половину своего времени или малую его часть — «*ситуационно-выжидающие горожане*» (221 чел., 34,7 %).

5. Группа 5. Те, кто не готов что-либо делать — «*социально пассивные горожане*» (190 чел., 30 %).

Наиболее узкой является 1 группа «профессиональных общественников», что, на наш взгляд, достаточно закономерно, принимая во внимание относительную малочисленность локального сообщества и разреженность окружающего моногород экономического и социального пространства как среды, в которой активные общественники могут реализовывать свои инициативы. В целом же распределение групп по доле в общей совокупности респондентов отражает закономерную зависимость функционально-ролевой и временной составляющих вовлеченности индивидов в социальную активность от сопутствующих издержек и упущенных выгод.

Интерес представляет сравнение социального портрета отмеченных групп в разрезе пола, возраста и образования (рис. 4).

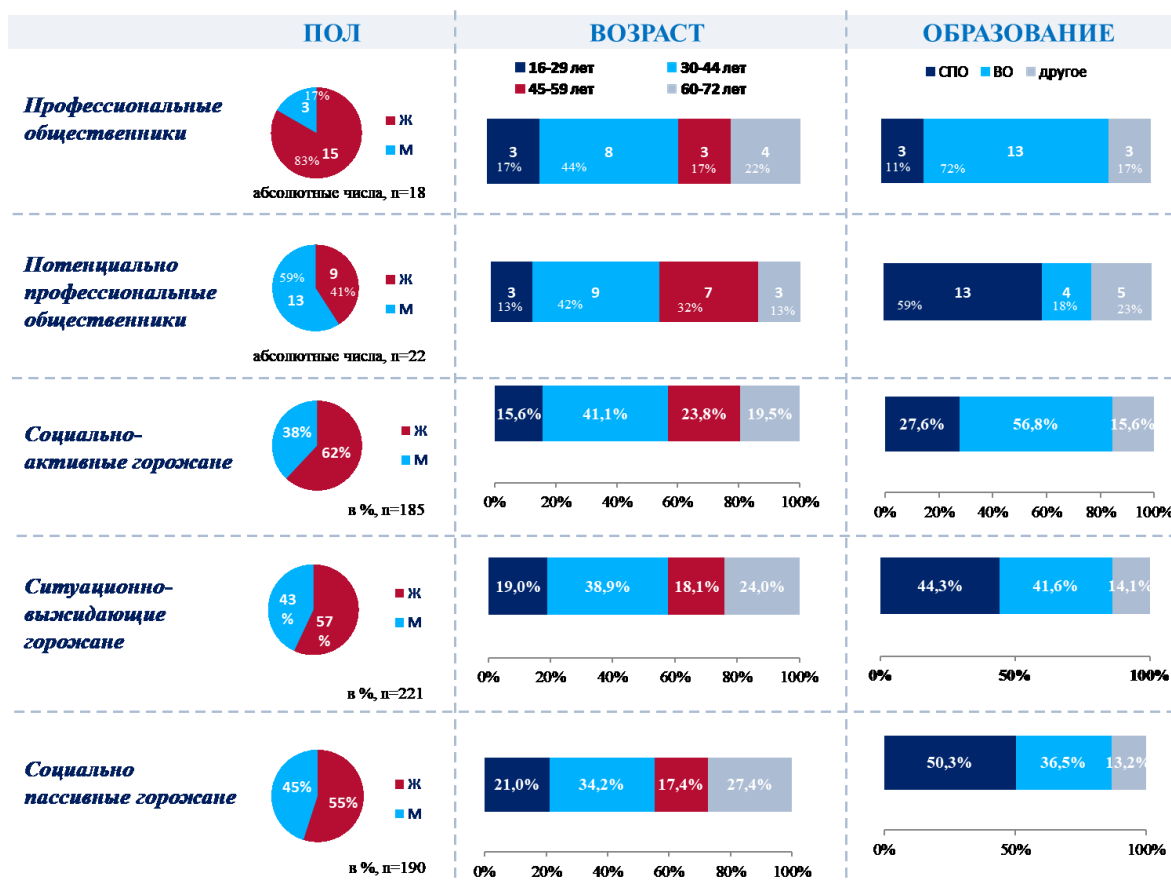

Рис. 4. Социальные характеристики групп населения ГО Костомукша, в % по группе респондентов. Источник: составлено авторами по материалам полевого исследования

¹ Поскольку число респондентов, составляющих 1 и 2 группы менее 100 чел., здесь и далее по статье при выделении групповых

характеристик для них будут использованы абсолютные числовые показатели.

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА СЕВЕРА И АРКТИКИ

Представители выделенных групп отличаются по базовым социальным характеристикам. В целом женщины активнее принимают участие в общественной жизни города, а среди «профессиональных общественников» города их большинство. Каждый второй «социально активный горожанин» имеет высшее образование и каждый третий — среднее профессиональное. Среди «ситуационно-выжидających» и «социально пассивных», наоборот, каждый второй — со средним профессиональным образованием. Граждане в возрасте 30–44 лет более социально активны либо проявляют больший интерес к началу социальной деятельности. Социальная пассивность имеет тенденцию к увеличению в возрастной группе 60–72 лет (среди «социально пассивных» представители данной группы — практически каждый третий (27,4 %), среди «ситуационно-выжидających» — каждый четвертый (24 %), а среди «социально активных» — каждый пятый).

Обращают на себя внимание особенности социального портрета группы 1 «профессиональных общественников»: в ней преобладают женщины (83 при 17 % мужчин), имеющие высшее образование. Значителен ее контраст с группой 2 «потенциальных профессиональных общественников», в которой преобладают мужчины и гораздо более распространено среднее профессиональное образование (48 %) и неоконченное высшее (20 %). В целом, сравнивая действующих активистов (группы 1 и 3) и потенциальных (группы 2 и 4), мы видим схожие соотношения: среди действующих активистов больше женщин и выше доля людей с высшим образованием, в то время как среди потенциальных активистов и людей готовых участвовать в общественных мероприятиях, но пока занимающих выжидательную позицию, доля мужчин относительно выше, а также относительно высока доля респондентов со средним профессиональным образованием. Группа 5 «социально пассивных горожан» по соотношениям социальных характеристик ближе к группам 2 и 4.

Важным аспектом изучения социальной активности является идентификация социальных авторитетов населения — институтов или отдельных лиц, на которых горожане возлагают надежды на улучшение жизни в городе, принятие соответствующих решений. Понимание социальной активности в контексте концептов социальной устойчивости и устойчивого развития предполагает баланс и сосуществование локальных инициатив «снизу» и «сверху» и как их предпосылок — сосуществование надежд на социальные институты и местную власть, с одной стороны, и формирование активной личной позиции и субъектности, с другой. Среди действующих активистов (группы 1 и 2) примерно каждый второй возлагает надежды на улучшение жизни в городе на самих жителей, в том числе и на себя лично

(табл. 4). Также горожане возлагают большие надежды на местную власть — главу города, совет местных депутатов, на градообразующее предприятие.

Как мы видим, в рамках данного вопроса различия между группами заметнее уже не в разрезе действующей или потенциальной социальной активности, а в аспекте готовности посвящать общественной деятельности свое время. Респонденты из групп 1 и 2, уделяющие или готовые уделять все или большую часть времени для общественных мероприятий, гораздо более определенно связывают улучшение жизни в городе с собственной активностью и позицией других горожан. Среди менее активных в социальном отношении групп определенное распространение имеют паразитические установки, связанные с надеждами на «жителей населенного пункта без моего участия». (1,6, 5,0 и 5,8 % в группах 3–5 соответственно) (табл. 4).

Для устойчивого воспроизводства социального капитала местного сообщества исключительно важно удерживать наиболее инициативную и активную часть населения в экономическом и социальном пространстве городского округа. В условиях современного общества это возможно в тех случаях, когда социально-экономическая и институциональная среда предоставляет достаточные возможности для развития потенциала индивида и реализации его жизненных планов. В данном контексте интерес представляют различия в восприятии респондентами из разных групп возможности реализовать свои жизненные планы в городе (рис. 5).

Наиболее определенные установки в данном вопросе имеют представители 1 и 3 групп — действующих общественно активных респондентов. Среди них меньше всего затруднившихся с ответом, и в то же время больше всего однозначно уверенных в возможности реализовать свои жизненные планы в городе (вариант ответа «безусловно, смогу»). Наибольшая доля респондентов, уверенных в невозможности реализовать свои планы в месте проживания наблюдается в группе 2 «потенциальных профессиональных общественников». Среди них наиболее высока также доля затруднившихся с ответом при относительно небольшой доле уверенных в том, что реализовать свои жизненные планы они смогут. Схожие соотношения, хотя и менее выраженные мы видим в группе 4 «ситуационно-выжидательных горожан». Как и при рассмотрении социальных характеристик, сходство между группами прослеживается по признаку действующего или потенциального активизма. Очевидно, здесь мы имеем пример диалектической взаимосвязи: чем более определенную установку в отношении возможности реализовать свои жизненные планы имеют индивиды, тем они в целом более активны и склонны к общественному действию. И в то же время

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА СЕВЕРА И АРКТИКИ

предпринятые активные действия формируют у субъекта уверенность в возможности реализовать себя в условиях,

в которых он уже попробовал свои силы в общественно полезных делах.

Таблица 4

С кем Вы в первую очередь связываете надежды на улучшение жизни в Вашем городе?

	Профессиональные общественники (группа 1)	Потенциальные профессиональные общественники (группа 2)	Социально активные горожане (группа 3), %	Ситуационно-выжидательные горожане (группа 4), %	Социально пассивные горожане (группа 5), %
Глава администрации города	50 % (9)	81,8 % (18)	62,2	65,6	65,3
Президент России	22,2 % (4)	18,2 % (4)	15,1	20,4	17,4
Губернатор, глава региона	11,1 % (2)	9,1 % (2)	15,7	14,9	15,3
Я совместно с жителями населенного пункта	66,7 % (12)	59,1 % (13)	40,5	19,0	16,8
Крупные предприятия (работодатели) города	50 % (9)	59,1 % (13)	54,1	59,7	59,5
Местный совет депутатов	50 % (9)	45,5 % (10)	50,8	52,9	52,6
Правительство РФ	11,1 % (2)	4,5 % (1)	17,8	13,1	12,6
Общественные организации, партии, профсоюзы	5,6 % (1)	0 %	12,4	8,1	8,4
Ни с кем не связываю	5,6 % (1)	4,5 % (1)	5,9	12,2	12,6
Жители населенного пункта без моего участия	0 %	0 %	1,6	5,0	5,8
Правоохранительные органы	0 %	0 %	4,3	3,6	1,6

Примечание. Составлено авторами по материалам полевого исследования.

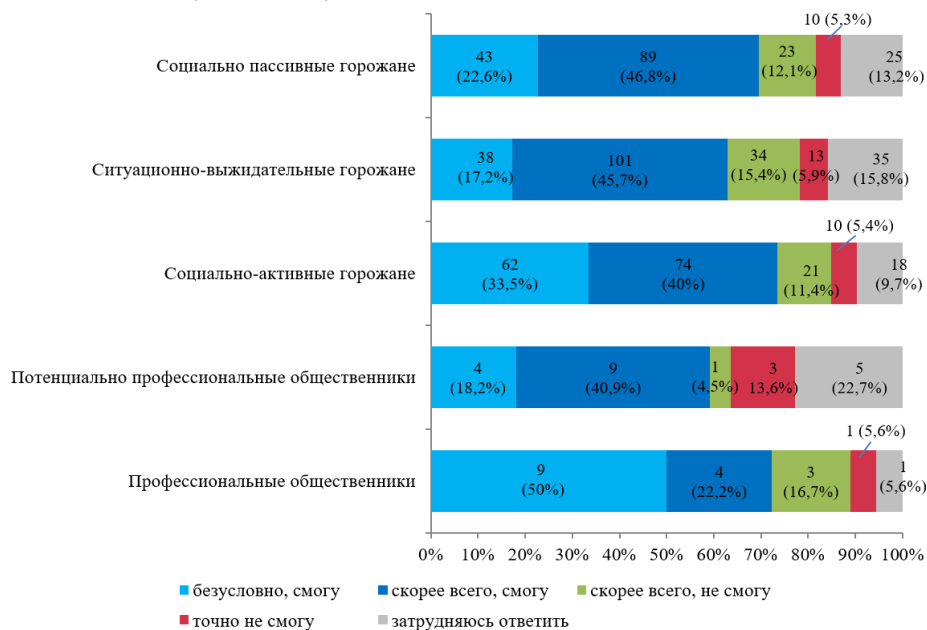

Рис. 5. Распределение ответов групп респондентов на вопрос «Как Вы считаете, сможете ли реализовать свои жизненные планы в городе?», в % по группе². Источник: составлено авторами по материалам полевого исследования

² По группам «профессиональные общественники» и «потенциальные профессиональные общественники» показаны абсолютные значения.

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА СЕВЕРА И АРКТИКИ

Таким образом, в рамках решения второй задачи исследования выделено пять групп населения ГО Костомукша, дифференцируемых на основе функционально-ролевой и временной составляющих вовлеченности респондентов в социальную активность. Наиболее значимые отличия в социальном портрете и установках прослеживаются в 1 группе — ее основу составляют женщины с высшим образованием, связывающие надежды на улучшение жизни в городе со своей деятельностью и деятельностью других горожан и относительно уверенные в возможности реализовать свои жизненные планы в месте проживания. Вместе с группой 3 они составляют действующую основу формирования институтов взаимодействия в рамках воспроизводства социального капитала местного сообщества. Наиболее отчетливые различия между выделенными группами населения в социальном портрете и воспринимаемой возможности реализовать свои жизненные планы в городе наблюдаются между группами 1 и 3 с одной стороны, и группами 2, 4 и 5, с другой, и определяются действующим/потенциальным характером общественной активности. В то же время среди менее активных в социальном отношении групп

определенное распространение имеют паразитические установки, выраженные в связывании надежд на улучшение жизни в городе с другими жителями без участия респондента.

Миграционные установки социально активных групп населения

Текущее благополучие ГО Костомукша и социально активная позиция горожан не являются достаточным условием для устойчивого воспроизводства социального капитала сообщества в долгосрочной перспективе. Важнейшее значение имеет как воспринимаемая возможность реализовать свои жизненные планы, так и миграционные установки групп населения, являющихся ключевыми для воспроизводства институтов взаимодействия в местном сообществе. Респондентам предлагалось ответить на вопросы: «Хотели бы Вы уехать жить в другой город?» и «Насколько Вы готовы к тому, чтобы уехать из города?». Результаты ответа на первый вопрос в разрезе выделенных нами ранее групп респондентов представлен на рис. 6.

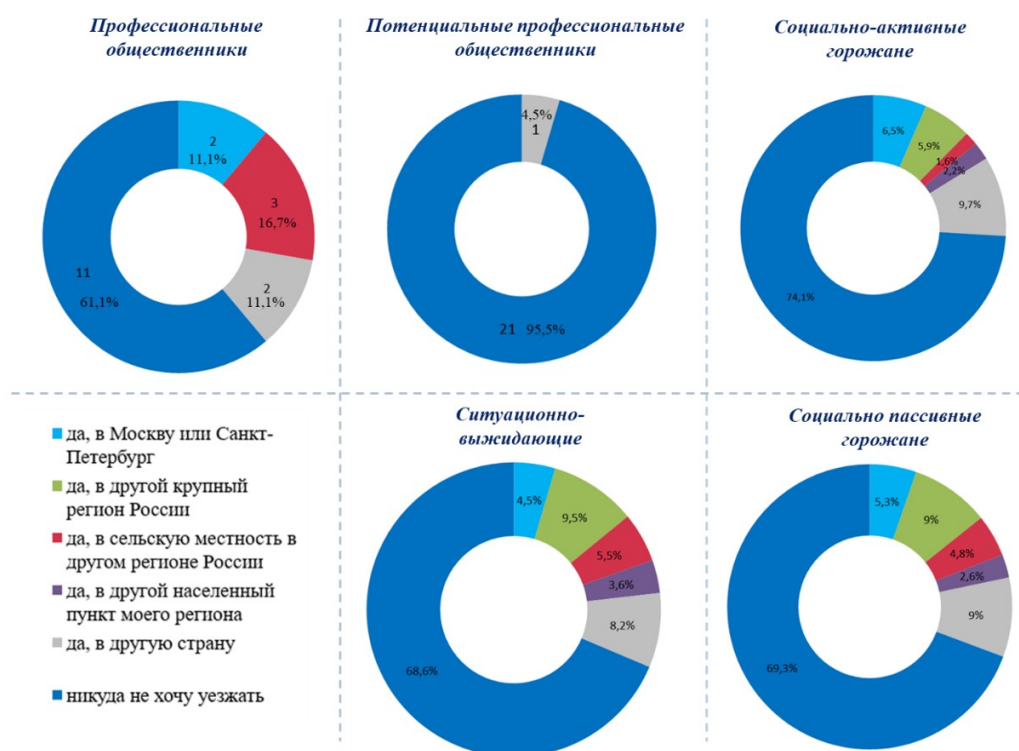

Рис. 6. Миграционные установки респондентов — желание переехать, в % по группе. Источник: составлено авторами по материалам полевого исследования

Наибольшая доля желающих покинуть город проживания наблюдается в группе 1 — положительную установку на миграцию имеют 38,9 % (или 7 в

абсолютном выражении) респондентов ее составляющих. Обращает на себя внимание малый процент желающих уехать в группе 2 — «потенциальных

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА СЕВЕРА И АРКТИКИ

профессиональных общественников». Для другой системно важной группы с точки зрения воспроизводства социального капитала — группы 3 «социально активные горожане» — выраженность желания покинуть город проживания является относительно низкой (25,9 % респондентов).

Мера практической реализации желания перебраться отражается в готовности покинуть город (рис. 7). В системно важной 1 группе 8 чел. выразили готовность к переезду (что несколько больше

желающих перебраться), из них лишь 2 респондента приняли твердое решение о переезде или уже находятся в стадии переезда, 4 чел. только обдумывают такую возможность и еще 2 чел. иногда задумываются об этом. В группе 3 приняли твердое решение о переезде или уже находятся в стадии переезда 21,5 % респондентов, а обдумывают такую возможность — 39,2 % (рис. 7).

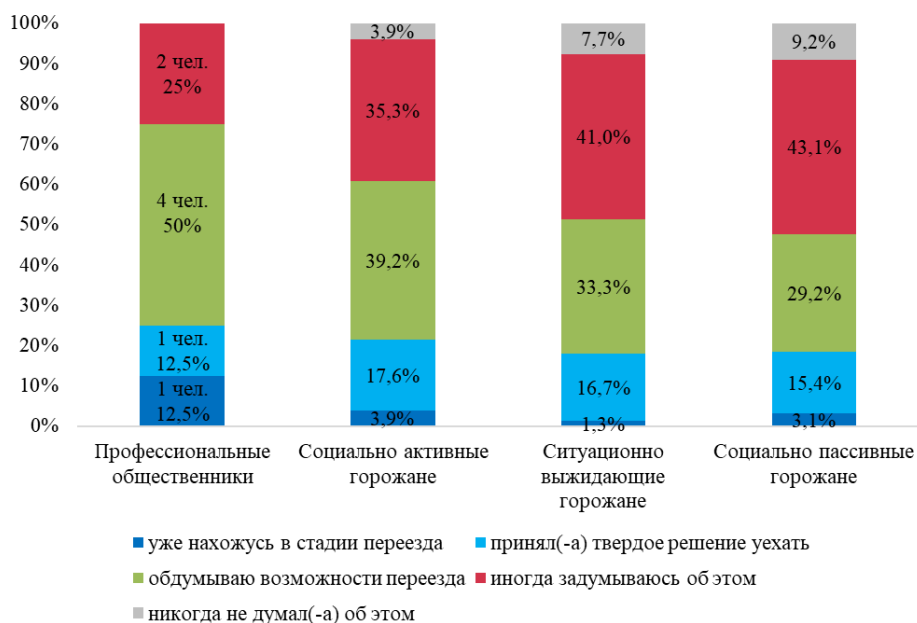

Рис. 7. Миграционные установки респондентов: готовность покинуть город проживания, в % от желающих уехать. Источник: составлено авторами по материалам полевого исследования

Данные результаты находят объяснение с позиции теорий человеческого и социального капиталов и их взаимосвязи [36]. В условиях относительно свободного перемещения индивидов в рамках национального и мирового экономического пространства и расширения условий для капитализации и способности человека к труду, а также его созидательной активности все более отчетливые очертания принимает конкуренция территорий за мотивированных, квалифицированных и инициативных жителей.

Применительно к рассматриваемым в статье вопросам территория в данной конкурентной борьбе предстает в двух ипостасях: во-первых, как пространственно организованная экономическая система, предоставляющая возможности для капитализации способности индивида к труду за счет соответствующих его квалификации средств труда, заработной платы, а также благ, которые он может позволить себе приобрести (в том числе

образование, медицинское обслуживание, товары и услуги конечного потребления и т. д.); во-вторых, как институциональное поле и социальное пространство, в рамках которых индивид формирует сети взаимодействия и использует возможности, предоставляемые социальными лифтами, таким образом, увеличивая для себя отдачу от социального капитала сообщества. В идеальных условиях, чем больше человек может дать сообществу за счет своих умений, навыков, запаса здоровья и прочих составляющих, объединенных в понятие человеческого капитала, тем быстрее и выше он будет подниматься в социальных структурах в рамках возможностей, предоставляемых территориальной системой и в условиях вызовов развития, стоящих перед ней. Однако на практике множество факторов обуславливают искажения механизмов, опосредующих диалектическую взаимосвязь личного вклада индивида в воспроизводство сообщества как социально-экономической системы и

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА СЕВЕРА И АРКТИКИ

вознаграждения, а также возможностей развития, которые он получает. Примеры данных факторов разнообразны — от институциональных конфликтов до открытого оппортунизма в рамках корпоративных иерархий. Для периферийных территорий АЗРФ с их узкими рынками труда и разреженностью экономического пространства подобные искажения в случае их возникновения носят гораздо более критический характер — ограниченность сфер и средств приложения труда, а также возможностей

формировать развитые сети взаимодействия значительно сужают альтернативные пути развития для индивидов, что подталкивает их к миграции.

Применительно к рассматриваемому в настоящей работе примеру ГО Костомукша особенности взаимосвязи воспроизводства социального и человеческого капиталов в рамках сообщества отражены на рис. 8.

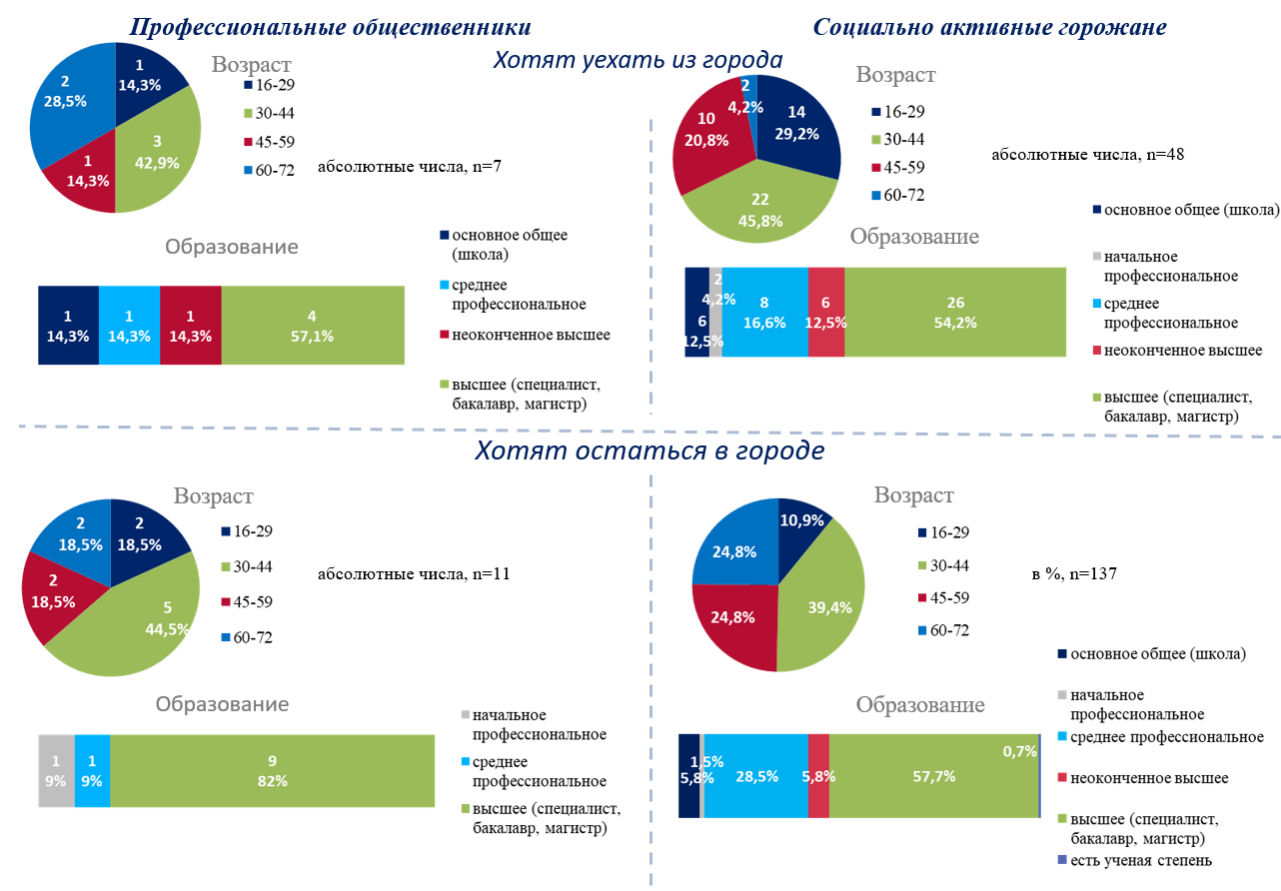

Рис. 8. Сопоставление аспектов социального и человеческого капиталов сообщества в разрезе миграционных установок. Источник: составлено авторами по материалам полевого исследования

Помимо отмеченных на рис. 8 данных, следует указать, что сопоставлялись и показатели материального благополучия семей, которые представляют респонденты. Так, например, по группе 1 желающие уехать распределены следующим образом по материальному достатку: 1 — «в семье не хватает денег даже на еду»; 3 — «на еду хватает, но покупка одежды и оплата ЖКХ вызывает затруднения»; 3 — «приобретение дорогих вещей — не проблема». В этой же группе желающие остаться характеризуются следующим распределением:

2 — «на еду хватает, но покупка одежды и оплата коммунальных расходов вызывает затруднение»; 2 — «доходов хватает только на еду и одежду, покупка вещей длительного пользования труднодоступна»; 3 — «для нас приобретение вещей длительного пользования — не проблема, а вот действительно дорогие вещи сложно»; 4 — «в настоящий момент могу позволить себе приобрести все, что хочется».

Мы видим, что в системно значимой группе 1 показатели развития человеческого капитала значительно отличаются между подгруппами готовых уехать из города проживания и более укорененных

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА СЕВЕРА И АРКТИКИ

респондентов в пользу вторых. Наиболее образованная, экономически благополучная и в целом более молодая часть «профессиональных общественников» связывает свое будущее с городом проживания, что формирует положительную предпосылку воспроизводства человеческого и социального капиталов местного сообщества. В рамках другой системно значимой группы — 3 «социально активных горожан» — различия по характеристикам человеческого капитала не являются выраженными в разрезе миграционных установок.

Указанные наблюдения позволяют говорить о выполнении третьей задачи исследования и позволяют перейти к итоговым выводам.

Выводы

Проведенное исследование общественной активности и аспектов воспроизводства социального человеческого капиталов местного сообщества арктического моногорода Костомукша позволило сформулировать следующие выводы.

1. Выявлено, что среди общественной активности горожан преобладает участие в бытовых и культурно-спортивных мероприятиях, в то время как более трети респондентов не принимали участия в общественной жизни за последний год. Наиболее открыто население для участия в мероприятиях по защите окружающей среды и общественно-полезных благотворительных мероприятиях, а наибольшая доля инициативных людей наблюдается в сфере культуры.

2. В ходе исследования выделено пять групп населения ГО Костомукша, дифференцируемых на основе функционально-ролевой и временной составляющих вовлеченности респондентов в социальную активность. Значимые отличия в социальном портрете и установках прослеживаются в группе наиболее социально активных жителей (характеризуются нами как «профессиональные общественники»). Вместе с группой жителей, характеризующихся нами как «социально активные горожане», они составляют действующую основу формирования институтов взаимодействия в рамках воспроизводства социального капитала местного сообщества. Наиболее отчетливые различия в социальных характеристиках между отмеченными группами населения и группами «потенциальных профессиональных общественников», «ситуационно-выжидающих горожан» и «социально пассивных горожан» позволяют дифференцировать их по критерию действующего/потенциального характера общественной активности. Среди менее активных в социальном отношении групп определенное распространение имеют паразитические установки,

выраженные в связывании надежд на улучшение жизни в городе с другими жителями без участия самого респондента в их активности.

3. Наибольшая доля желающих покинуть город проживания наблюдается в группе «профессиональных общественников». Для другой системно важной группы с точки зрения воспроизводства социального капитала — группы «социально активных горожан» — выраженность желания покинуть город проживания является относительно низкой. В группе «профессиональных общественников» показатели развития человеческого капитала значительно отличаются между теми, кто готов уехать из города проживания, и теми, кто остается в пользу вторых. В рамках другой системно значимой группы — «социально активных горожан» различия по характеристикам человеческого капитала не являются выраженными в разрезе миграционных установок, однако доля молодежи среди желающих переехать заметно выше.

Следует отметить, что наиболее образованная, экономически благополучная и в целом более молодая часть социально активных горожан связывает свое будущее с городом проживания, что формирует положительную предпосылку воспроизводства человеческого и социального капиталов местного сообщества. Опираясь на результаты исследования, следует признать необходимой активизацию усилий местной власти на расширении социального пространства за счет вовлечения в социально-экономические процессы окружающих территорий, а также профилактике институциональных искажений в работе социальных лифтов, что позволит удерживать большую долю активных людей, в настоящее время предполагающих миграцию. Соотнося полученные результаты с данными предыдущих научных исследований Карельской Арктики и моногородов в ее составе, можно отметить, что выявленная ранее актуальная проблема суженного воспроизводства трудовых ресурсов региона имеет перспективы не только научного изучения с позиции диалектической взаимосвязи социального и человеческого капиталов, но и может быть отчасти решена на основе содействия укреплению социального капитала местных сообществ.

Приведенная в статье методика может быть использована в дальнейших исследованиях воспроизводства социального и человеческого капиталов локальных сообществ, в частности, арктических моногородов. Данная работа вносит особый вклад в развитие научного знания ввиду уникального сочетания пространственной локализации и характера объекта исследования

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА СЕВЕРА И АРКТИКИ

(приграничный моногород с выраженной экспортной ориентацией экономики), времени его осуществления и предметного охвата. Временной период проведения полевой части работы позволил сформировать аналитическую основу дальнейшего мониторинга социально-экономических процессов в приграничном арктическом моногороде Костомукша, «зафиксировав» в научных фактах срез ситуации накануне глобальных экономических потрясений и вызванных ими трансформаций (поздняя осень 2021 г.). Предметный охват исследования позволяет оценить

резервы социального и человеческого капиталов моногорода, во многом определяющие пределы устойчивости социально-экономических систем в текущих условиях.

В рамках дальнейшего научного изучения АЗРФ актуальным является компаративный анализ социального пространства и тенденций воспроизводства социального капитала моногородов различного типа, а также исследование влияния внешних геополитических шоков на моногорода АЗРФ в указанной предметной области.

Список источников

1. Скуфьина Т. П., Баранов С. В., Самарина В. П., Самарин А. В. Влияние национальной арктической политики на социально-экономические преобразования в арктических регионах России // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2022. № 2. С. 69–81. DOI: 10.37614/2220-802X.2.2022.76.006
2. Фаузер В. В., Смирнов А. В., Лыткина Т. С., Фаузер Г. Н., Клименко В. А. Малые и средние города в системе расселения Российского Севера: 1939–2020 гг. // Арктика и Север. 2021. № 44. С. 223–249. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2021.44.223
3. Селин В. С., Ларичкин Ф. Д., Цукерман В. А., Горячевская Е. С. Проблемы национальной индустриализации и промышленная политика ресурсно-сырьевых компаний Арктической зоны Российской Федерации // Горный журнал. 2016. № 10. С. 25–33. DOI: 10.17580/gzh.2016.10.04
4. Measham T. G., Fleming D. A., Schandl H. A conceptual model of the socioeconomic impacts of unconventional fossil fuel extraction // Global Environmental Change. 2016. Vol. 36. P. 101–110. DOI: 10.1016/j.gloenvcha.2015.12.002
5. Emery J. C. H., Ferrer A., Green D. Long-Term Consequences of Natural Resource Booms for Human Capital Accumulation // ILR Review. 2012. № 65(3). P. 708–734. DOI: 10.1177/001979391206500310
6. Липина С. А., Череповицын А. Е., Липина А. В. Концептуальные экологические аспекты развития арктических территорий как ключевые приоритеты модернизации России // Минеральные ресурсы России. Экономика и управление. 2019. № 3(166). С. 65–71. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=38162515> (дата обращения: 17.10.2022).
7. Смирнов А. В. Население мировой Арктики: динамика численности и центры расселения // Арктика и Север. 2020. № 40. С. 270–290. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.40.270
8. Лаженцев В. Н. Природно-ресурсная экономика и территориальная организация хозяйства Арктики и Севера России // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2019. Т. 12, № 5. С. 53–68. DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-5-53-68
9. Shiklomanov N., Streletskiy D., Suter L., Orttung R., Zamyatina N. Dealing with the bust in Vorkuta, Russia // Land Use Policy. 2020. № 93. P. 03908. DOI: 10.1016/j.landusepol.2019.03.021
10. Bjerke L., Mellander C. Moving home again? Never! The locational choices of graduates in Sweden // The Annals of Regional Science. 2017. № 59. P. 707–729. DOI: 10.1007/s00168-016-0777-2
11. Симакова А. В. Миграционные намерения молодежи (пост)промышленных моногородов Арктической зоны России: остаться или уехать? // Социальная политика и социология. 2019. Т. 18, № 2. С. 134–144. DOI: 10.17922/2071-3665-2019-18-2-134-144
12. Скуфьина Т. П., Бажутова Е. Инновации градообразующих предприятий в проявлении предпринимательской активности в условиях Арктики (на примере г. Кировска Мурманской области) // Инновации. 2019. № 3. С. 77–85. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=39145573> (дата обращения: 17.10.2022).
13. Пилясов А. Н., Замятина Н. Ю. Арктическое предпринимательство: условия и возможности развития // Арктика: экология и экономика. 2016. № 4(24). С. 4–15. URL: <http://arctica-ac.ru/docs/journals/24/arkicheskoe-predprinimatelstvo-usloviya-i-vozmojnosti-razvitiya.pdf> (дата обращения: 17.10.2022).
14. Шеломенцев А. Г., Воронина Л. В., Смиреникова Е. В., Уханова А. В. Факторы миграции в арктической зоне Российской Федерации // Ars Administrandi (Искусство управления). 2018. Т. 10, № 3. С. 396–418. DOI: 10.17072/2218-9173-2018-3-396-418
15. Дружинин П. В. Развитие административных центров и их влияние на экономику регионов // Проблемы прогнозирования. 2022. № 2(191). С. 69–79. DOI: 10.47711/0868-6351-191-69-79
16. Дружинин П. В. Особенности расселения населения в РФ и Финляндии: влияние географических факторов и университетов // Регион: экономика и социология. 2020. № 3. С. 165–189. DOI: 10.15372/REG20200307

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА СЕВЕРА И АРКТИКИ

17. Волков А. Д., Симакова А. В., Тишков С. В. Пространственная дифференциация факторов миграции населения арктического региона (на примере Карельской Арктики) // Регион: экономика и социология. 2022. № 3(115). С. 155–186. DOI: 10.15372/REG20220307
18. Фаузер В. В., Смирнов А. В., Фаузер Г. Н. Демографическая оценка устойчивого развития малых и средних городов российского Севера // Экономика региона. 2021. Т. 17, вып. 2. С. 552–569. DOI: 10.17059/ekon.reg.2021-2-14
19. Скуфына Т. П., Самарина В. П., Баранов С. В., Бажутова Е. А. Социально-демографические процессы в российской Арктике в статистических оценках и опросах населения // Арктика и Север. 2021. № 45. С. 127–149. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2021.44.127
20. Волков А. Д., Тишков С. В. Стратегические приоритеты развития региона Карельской Арктики в условиях интеграции экономического пространства Арктической зоны России // Арктика и Север. 2022. № 46. С. 5–32. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2022.46.5
21. Söderholm P., Svahn N., Mining, regional development and benefit-sharing in developed countries // Resources Policy. 2015. Vol. 45. P. 78–91. DOI: 10.1016/j.resourpol.2015.03.003
22. Koivurova T., Buanes A., Riabova L., Didyk V., Ejdemo T., Poelzer G., Taavo P., Lesser P. 'Social license to operate': a relevant term in Northern European mining? // Polar Geography. 2015. Vol. 38. Issue 3. DOI: 10.1080/1088937X.2015.1056859
23. Lindahl K. B., Johansson A., Zachrisson A., Viklund R. Competing pathways to sustainability? Exploring conflicts over mine establishments in the Swedish mountain region // Journal of Environmental Management. 2018. Vol. 218. P. 402–415, DOI: 10.1016/j.jenvman.2018.04.063
24. Tuulentie S., Halseth G., Kietäväinen A., Ryser L., Similä J., Local community participation in mining in Finnish Lapland and Northern British Columbia, Canada — Practical applications of CSR and SLO // Resources Policy. 2019. Vol. 61. P. 99–107. DOI: 10.1016/j.resourpol.2019.01.015
25. Prno J. An analysis of factors leading to the establishment of a social license to operate in the mining industry // Resources Policy. 2013. № 38(4). P. 577–590. DOI: 10.1016/j.resourpol.2013.09.010
26. Бурдые П. Формы капитала // Экономическая социология: электронный журнал. 2002. Т. 3. № 5. С. 60–74. URL: <https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208205039/ecsoc> (дата обращения: 17.10.2022).
27. Putnam R. Social capital: Measurement and consequences // Canadian journal of policy research. 2001. Т. 2, № 1. P. 41–51.
28. Коулмен Дж. Капитал социальный и человеческий // ОНС. 2001. № 3. С. 120–139.
29. Portes A. Social capital: Its origins and applications in modern sociology // Annual Review of Sociology. 1998. № 24(1). P. 1–24. DOI: 10.1016/J.JBUSRES.2013.05.029
30. Гужавина Т. А., Воробьева И. Н. Применение факторного анализа при измерении социального капитала // Социальное пространство. 2017. № 4. URL: <http://sa.vscs.ac.ru/article/2377> (дата обращения: 17.10.2022).
31. Гужавина Т. А. Коллективные действия и социальный капитал: импликация концепций // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13, № 1. С. 191–203. DOI: 10.15838/esc.2020.1.67.11
32. Трескин П. А. Общественные организации как социальный капитал региона // Государственное управление. Электронный вестник. 2017. № 64. С. 263–277. URL: http://e-journal.spa.msu.ru/vestnik/item/64_2017treskin.htm (дата обращения: 17.10.2022).
33. Caragliu A., Del Bo C., Nijkamp P. Smart Cities in Europe // Journal of Urban Technology. 2011. № 18:2. P. 65–82. DOI: 10.1080/10630732.2011.601117
34. Волков А. Д., Тишков С. В., Дружинин П. В. Природные ресурсы, система расселения и роль моногородов в развитии пространственной организации регионального хозяйства карельской Арктики // Арктика: экология и экономика. 2021. Т. 11, № 4. С. 582–595. DOI: 10.25283/2223-4594-2021-4-582-595
35. Гужавина Т. А. Социальный капитал городского сообщества: доверие, солидарность, ответственность // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11, № 4. С. 252–268. DOI: 10.15838/esc.2018.4.58.16
36. Волков А. Д., Козырева Г. Б., Морозов А. А. Человеческий капитал и социальный капитал в диалектике общественного развития // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2017. № 10(104). С. 12. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_30318516_86449410.PDF (дата обращения: 17.10.2022).
37. Лычко С. К., Мосиенко Н. Л. Привлекательность города как фактор формирования миграционных установок студентов // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: Социально-экономические науки. 2014. Т. 14, вып. 1. С. 160–169.
38. Шабанова, М. А. О некоторых преимуществах интеграции экономического и социологического анализа институциональных изменений. Статья 1: Институты, практики, роли / М. А. Шабанова // Экономическая социология. 2006. Т. 7, № 4. С. 11–26. С. 18

References

1. Skufina T. P., Baranov S. V., Samarina V. P., Samarin A. V. Vliyanie natsional'noi arkticheskoi politiki na sotsial'no-ekonomicheskie preobrazovaniya v arkticheskikh regionakh Rossii [The impact of the national Arctic policy on the socio-economic transformations of Russia's Polar regions]. *Sever i rynek: formirovanie ekonomicheskogo poriyadka* [The North and the Market: Forming the Economic Order], 2022, no. 2, pp. 69–81. (In Russ.). DOI:10.37614/2220-802X.2.2022.76.006
2. Fauzer V. V., Smirnov A. V., Lytkina T. S., Fauzer G. N., Klimenko V. A. Malye I srednie goroda v sisteme rasseleniya rossiiskogo Severa: 1939–2020 gg. [Small and medium-sized towns in the settlement system of the Russian North: 1939–2020]. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2021, no. 44, pp. 223–249. (In Russ.). DOI: 10.37482/issn2221-2698.2021.44.223
3. Selin V. S., Larichkin F. D., Tsukerman V. A., Goryachevskaya E. S. Problemy natsional'noi industrializatsii i promyshlennaya politika resursno-syr'evykh kompanii Arkticheskoi zony Rossiiskoi Federatsii [Challenges of the national industrial development and policy of mining companies in the Arctic Region of the Russian Federation]. *Gornyi Zhurnal* [Gornyi Zhurnal], 2016, no. 10, pp. 25–33. (In Russ.). DOI: 10.17580/gzh.2016.10.04
4. Measham T., Fleming D., Schandl H. A conceptual model of the socioeconomic impacts of unconventional fossil fuel extraction. *Global Environmental Change*, 2016, no. 36, pp. 101–110. DOI: 10.1016/j.gloenvcha.2015.12.002
5. Emery J., Ferrer A., Green D. Long-Term Consequences of Natural Resource Booms for Human Capital Accumulation. *ILR Review*, 2012, no. 65:3, pp. 708–734. DOI: 10.1177/001979391206500310
6. Lipina S. A., Cherepovitsyn A. E., Lipina A. V. Kontseptual'nye ekologicheskie aspekty razvitiya arkticheskikh territorii kak klyuchevye priority modernizatsii Rossii [Conceptual environmental aspects of Arctic territories development as the key priorities of Russia's modernization]. *Mineral'nye resursy Rossii. Ekonomika i upravlenie* [Mineral Resources of Russia. Economics and Management], 2019, no. 3:166, pp. 65–71. (In Russ.). Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=38162515> (accessed: 17.10.2022).
7. Smirnov A. V. Naselenie mirovoi Arktiki: dinamika chislennosti i tsentry rasseleniya [The Arctic population: Dynamics and centers of the settlement system]. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2020, no. 40, pp. 270–290. (In Russ.). DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.40.270
8. Lazhentsev V. N. Prirodno-resursnaya ekonomika i territorial'naya organizatsiya hozyaistva Arktiki i Severa Rossii [Natural resource economy and territorial organization of the economy of the Arctic and the North of Russia]. *Kontury global'nykh transformatsii: politika, ekonomika, pravo* [Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law], 2019, vol. 12, no. 5, pp. 53–68. (In Russ.). DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-5-53-68
9. Shiklomanov N., Streletskiy D., Suter L., Orttung R., Zamyatina N. Dealing with the bust in Vorkuta, Russia. *Land Use Policy*, 2020, no. 93, p. 03908. DOI: 10.1016/j.landusepol.2019.03.021
10. Bjerke L., Mellander C. Moving home again? Never! The locational choices of graduates in Sweden. *The Annals of Regional Science*, 2017, no. 59, pp. 707–729. DOI:10.1007/s00168-016-0777-2
11. Simakova A. V. Migratsionnye namereniya molodezhi (post)promyshlennykh monogorodov Arkticheskoi zony Rossii: ostat'sya ili uekhat'? [Youth migratory intentions at (post) extractive Arctic mono-industrial cities: Live or leave?]. *Sotsial'naya politika i sotsiologiya* [Social Policy and Sociology], 2019, vol. 18, no. 2, pp. 134–144. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17922/2071-3665-2019-18-2-134-144>
12. Skufina T. P., Bazhutova E. Innovatsii gradoobrazuyushchikh predpriyatii v proyavlenii predprinimatel'skoi aktivnosti v usloviyakh Arktiki (na primere g. Kirovsk Murmanskoi oblasti) [Innovations of city-forming enterprises in the manifestation of entrepreneurial activity in the Arctic (on the example of Kirovsk, Murmansk region)]. *Innovatsii* [Innovations], 2019, no. 3, pp. 77–85. (In Russ.).
13. Pilyasov A. N., Zamyatina N. Yu. Arkticheskoe predprinimatel'stvo: usloviya I vozmozhnosti razvitiya [Arctic entrepreneurship: conditions and opportunities for development]. *Arktika: ekologiya i ekonomika* [Arctic: Ecology and Economy], 2016, no. 4:24, pp. 4–15. (In Russ.).
14. Shelomentsev A. G., Voronina L. V., Smirennikova E. V., Uhanova A. V. Faktory migratsii v arkticheskoi zone Rossiiskoi Federatsii [Migration factors in the Arctic zone of the Russian Federation]. *Ars Administrandi (Iskusstvo upravleniya)* [Ars Administrandi], 2018, vol. 10, no. 3, pp. 396–418. (In Russ.). DOI: 10.17072/2218-9173-2018-3-396-418
15. Druzhinin P. Razvitie administrativnykh tsentrov i ikh vliyanie na ekonomiku regionov [Development of the capital cities of Russian regions and their impact on regional economies]. *Studies on Russian Economic Development*, 2022, vol. 33, no. 2, pp. 169–175. (In Russ.). DOI: 10.1134/S1075700722020058
16. Druzhinin P. V. Osobennosti rasseleniya naseleniya v Rossii i Finlyandii: vliyanie geograficheskikh faktorov i universitetov [Features of population distribution in Russia and Finland: Impact of geographical factors and universities]. *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: Economics and Sociology], 2020, no.3, pp. 165–189. (In Russ.). DOI: 10.15372/REG20200307

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА СЕВЕРА И АРКТИКИ

17. Volkov A. D., Simakova A. V., Tishkov S. V. Prostranstvennaya differentsiatsiya faktorov migratsii naseleniya arkticheskogo regiona (na primere Karel'skoi Arktiki) [Spatial differentiation of migration factors in the Arctic region (case study of the Karelian Arctic)]. *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: Economics and Sociology], 2022, no. 3:115, pp. 155–186. (In Russ.). DOI: 10.15372/REG20220307
18. Fauzer V. V., Smirnov A. V., Fauzer G. N. Demograficheskaya otsenka ustoichivogo razvitiya malyh i srednih gorodov rossiiskogo Severa [Demographic assessment of the sustainability of small and medium-sized cities in the Russian North]. *Ekonomika regiona* [Economy of Region], 2021, vol. 17, no. 2, pp. 552–569. (In Russ.). DOI: 10.17059/ekon.reg.2021-2-14
19. Skufina T. P., Samarina V. P., Baranov S. V., Bazhutova E. A. Sotsial'no-demograficheskie protsessy v rossiiskoi Arktike v statisticheskikh otsenkakh i oprosakh naseleniya [Socio-demographic processes in the Russian Arctic in statistical assessments and population surveys]. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2021, no. 45, pp. 127–149. (In Russ.). DOI: 10.37482/issn2221-2698.2021.44.127
20. Volkov A. D., Tishkov S. V. Strategicheskie priority razvitiya regiona Karel'skoi Arktiki v usloviyakh integratsii ekonomicheskogo prostranstva Arkticheskoi zony Rossii [Strategic development priorities for the Karelian Arctic region in the context of the Russian Arctic zone economic space integration]. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2022, no. 46, pp. 5–32. (In Russ.). DOI: 10.37482/issn2221-2698.2022.46.5
21. Söderholm P., Svahn N. Mining, regional development and benefit-sharing in developed countries, *Resources Policy*, 2015, vol. 45, pp. 78–91. DOI: 10.1016/j.resourpol.2015.03.003
22. Koivurova T., Buanes A., Riabova L., Didyk V., Ejdemo T., Poelzer G., Taavo P., Lesser P. 'Social license to operate': a relevant term in Northern European mining. *Polar Geography*, 2015, no. 38. DOI: 10.1080/1088937X.2015.1056859
23. Lindahl K.B., Johansson A., Zachrisson A., Viklund R. Competing pathways to sustainability? Exploring conflicts over mine establishments in the Swedish mountain region. *Journal of Environmental Management*, 2018, no. 218, pp. 402–415. DOI: 10.1016/j.jenvman.2018.04.063
24. Tuulentie S., Halseth G., Kietäväinen A., Ryser L., Similä J. Local community participation in mining in Finnish Lapland and Northern British Columbia, Canada — Practical applications of CSR and SLO. *Resources Policy*, 2019, no. 61, pp. 99–107. DOI: 10.1016/j.resourpol.2019.01.015.
25. Prno J. An analysis of factors leading to the establishment of a social license to operate in the mining industry. *Resources Policy*, 2013, no. 38 (4), pp. 577–590. DOI: 10.1016/j.resourpol.2013.09.010
26. Bourdieu P. Formy kapitala [Forms of capital]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya: elektronnyi zhurnal* [Economic Sociology: Electronic Journal], 2002, vol. 3, no. 5. pp. 60–74. (In Russ.). Available at: <https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208205039/ecsoc> (accessed: 13.10.2022).
27. Putnam R. Social capital: Measurement and consequences. *Canadian journal of policy research*, 2001, vol. 2, no. 1, pp. 41–51. Available at: <https://www.oecd.org/innovation/research/1825848.pdf> (accessed: 07.10.2022).
28. Coleman J. Kapital sotsial'nyi i chelovecheskii [Social and human capital]. *ONS* [ONS], 2001, no. 3, pp. 120–139. (In Russ.).
29. Portes A. Social capital: Its origins and applications in modern sociology. *Annual Review of Sociology*, 1998, no. 24:1, pp. 1–24. DOI: 10.1016/J.JBUSRES.2013.05.029
30. Guzhavina T. A., Vorob'eva I. N. Primenenie faktornogo analiza pri izmerenii sotsial'nogo kapitala [Application of factor analysis in the measurement of social capital]. *Sotsial'noe prostranstvo* [Social Area], 2017, no. 4. (In Russ.). Available at: <http://sa.vscs.ac.ru/article/2377> (accessed: 17.10.2022).
31. Guzhavina T. A. Kollektivnye deistviya i sotsial'nyi kapital: implikatsiya kontseptsii [Collective Actions and Social Capital: Implication of Concepts]. *Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2020, vol. 13, no. 1, pp. 191–203. (In Russ.). DOI: 10.15838/esc.2020.1.67.11
32. Treskin P. A. Obshchestvennye organizatsii kak sotsial'nyi kapital regiona [Public organizations as the social capital of the region]. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyi vestnik* [Public Administration. Electronic Bulletin], 2017, no. 64, pp. 263–277. (In Russ.). Available at: http://e-journal.spa.msu.ru/vestnik/item/64_2017treskin.htm (accessed: 17.10.2022).
33. Caragliu A., Del Bo Ch., Nijkamp P. Smart Cities in Europe. *Journal of Urban Technology*, 2011, no. 18:2, pp. 65–82. DOI: 10.1080/10630732.2011.601117
34. Volkov A. D., Tishkov S. V., Druzhinin P. V. Prirodnye resursy, sistema rasseleniya i rol' monogorodov v razvitii prostranstvennoi organizatsii regional'nogo hozyaistva karel'skoi Arktiki [Natural resources, settlement system and the role of single-industry towns in the spatial organization development of the Arctic Karelia regional economy]. *Arktika: ekologiya i ekonomika* [Arctic: Ecology and Economy], 2021, vol. 11, no. 4, pp. 582–595. (In Russ.). DOI: 10.25283/2223-4594-2021-4-582-595.
35. Guzhavina T. A. Sotsial'nyi kapital gorodskogo soobshchestva: doverie, solidarnost', otvetstvennost' [Social capital of the urban community: Trust, solidarity, responsibility]. *Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2018, vol. 11, no. 4, pp. 252–268. (In Russ.). DOI: 10.15838/esc.2018.4.58.16
36. Volkov A. D., Kozyreva G. B., Morozov A. A. Chelovecheskii kapital i sotsial'nyy kapital v dialektike obshchestvennogo razvitiya [Human capital and social capital in the dialectics of social development]. *Upravlenie ekonomicheskimi sistemami: elektronnyi*

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА СЕВЕРА И АРКТИКИ

nauchnyi zhurnal [Management of Economic Systems: Electronic Scientific Journal], 2017, no. 10:104. (In Russ.). Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_30318516_86449410.PDF (accessed: 17.10.2022).

37. Lychko S. K., Mosienko N. L. Privlekatel'nost' goroda kak faktor formirovaniya migratsionnykh ustanovok studentov [City attractiveness as a factor in the formation of students' attitudes to migration]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-ekonomicheskie nauki* [Bulletin of Novosibirsk State University. Series: Socioeconomic Sciences], 2014, vol. 14, issue 1, pp. 160–69. (In Russ.).
38. Shabanova M. A. O nekotorykh preimushchestvakh integratsii ekonomicheskogo i sotsiologicheskogo analiza institutsional'nykh izmenenii. Stat'ya 1: Instituty, praktiki, roli [On some benefits of integrating economic and sociological analysis of institutional change. Article 1: Institutions, practices, roles]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Economic Sociology], 2006, vol. 7, no. 4, pp. 11–26 (in Russ.).

Об авторах:

- А. Д. Волков — канд. экон. наук, научный сотрудник;
А. В. Симакова — канд. соц. наук, ведущий специалист;
С. В. Тишков — канд. экон. наук, ученый секретарь;
М. А. Питухина — докт. полит. наук, ведущий научный сотрудник.

About the authors:

- A. D. Volkov — PhD (Economics), Researcher;
A. V. Simakova — PhD (Sociology), Lead Specialist;
S. V. Tishkov — PhD (Economics), Academic Secretary;
M. A. Pitukhina — DSc (Politics), Lead Researcher.

Статья поступила в редакцию 22 октября 2022 года.

Статья принята к публикации 30 декабря 2022 года.

The article was submitted on October 22, 2022.

Accepted for publication on December 30, 2022.